

Как справедливо отмечает современный исследователь А. Долгоруков, проблема внедрения кейс-метода в практику высшего профессионального образования обусловлена двумя тенденциями. Первая вытекает из общей направленности развития образования, его ориентации не столько на получение конкретных знаний, сколько на формирование профессиональной компетентности, умений и навыков мыслительной деятельности, развитие способностей личности, среди которых особое внимание уделяется способности к обучению, смене парадигмы мышления, умению перерабатывать огромные массивы информации. Вторая вытекает из развития требований к качеству специалиста, который, помимо удовлетворения требований первой тенденции, должен обладать также способностью оптимального поведения в различных ситуациях, отличаться системностью и эффективностью действий¹.

Наиболее значимым является то, что кейс-метод позволяет развивать целый ряд основных навыков у обучающихся:

– аналитические навыки: умение отличать не имеющие особого значения данные от главной информации, классифицировать информацию или факты, выделять существенную и несущественную информацию, уметь логически выстраивать проблему вне зависимости от последовательности ее подачи;

– практические навыки: решение конкретного случая или кейса способствует формированию и закреплению теоретического и методологического материала на практике;

– коммуникативные навыки: умение выстраивать диалог и вести дискуссию с оппонентами и сторонниками, развивать умения аргументированно и критически мыслить. Развивает умение отстаивать собственную точку зрения;

– самоанализ и прогнозирование: дискуссии, возникающие в процессе решения кейса, способствуют осознанию и анализу мнения дру-

гих и своего собственного. Формируются социальные навыки общения между участниками диалога.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что обучающиеся при решении кейсов фактически получают действенное готовое решение проблемной ситуации, которое можно применить как шаблон к примерно таким же ситуациям. Это способствует увеличению навыков и умений решать типовые задачи за счет уже имеющихся проработанных образцов.

Еще одним немаловажным достоинством данной технологии является ее гибкость, вариативность, которая, в свою очередь, развивает у обучающихся и преподавателей творческий подход, креативность, критическое мышление и эмоциональный интеллект.

Конечно, использование кейс-технологий в обучении не решит всех теоретических и практических задач. Здесь необходимо учитывать цели и задачи каждого занятия, предметную и тематическую значимость материала, особенности направления подготовки обучающихся и их личностные качества. Наибольшего эффекта при использовании кейс-технологии можно достичь при взаимовыгодном сочетании традиционных и интерактивных методов обучения.

Кейс-технологии эффективны для получения инновационных знаний по темам политологии, где нет однозначного ответа на поставленный вопрос, а есть несколько ответов, которые могут соперничать по степени истинности. В связи с этим упомянутые технологии целесообразно применять, в первую очередь, при подготовке магистров и аспирантов.

Примечания

¹ См.: Долгоруков А. М. Case study как способ понимания : практ. руководство. М., 2002. С. 227.

УДК 94(420+47+57)

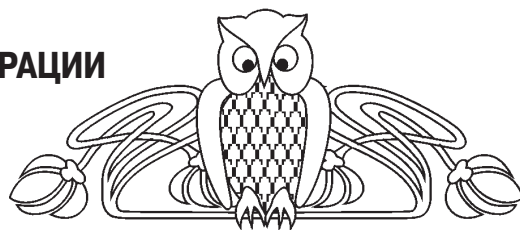
СССР И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ НА ПУТИ К ОПЕРАЦИИ «СОГЛАСИЕ», АВГУСТ 1941 г.

Ю. Г. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: goloub@sgu.ru

В статье рассматривается поиск путей взаимодействия СССР и Великобритании в рамках подготовки совместной военной акции в Иране в августе 1941 г. и разъяснения ее обоснованности другим заинтересованным странам. При написании статьи автор опирался на отечественные и зарубежные документальные источники, в том числе из фондов Национального архива Великобритании.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, Иран, Сталин, Черчилль, Криппс, Иден, Молотов, Майский, дипломатия, Вторая мировая война.

The USSR and Great Britain on their Way to Operation «Countenance», the August, 1941

Yu. G. Golub

The searching for ways of cooperation between the USSR and Great Britain in the preparation for joint armed operation in Iran in August, 1941, as well as clarification of its feasibility for the others interested parties are examined in the article. When writing the article the author

relied on Russian and foreign documentary sources, including the collection of the National Archives of Great Britain.

Key words: USSR, Great Britain, Iran, Stalin, Churchill, Cripps, Eden, Molotov, Maisky, diplomacy, Second World War.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-99-108

Мы были рады возможности объединиться с русскими и предложили им провести совместную кампанию в Персии.

Уинстон Черчилль¹

Совместная кампания получила весьма символическое кодовое наименование – операция «Согласие». Она началась на исходе лета 1941 г. вводом 25 августа в Иран советских и британских войск². Тем самым стало практически реализовываться предложение использовать военную силу для защиты интересов СССР и Великобритании в этой стране. Предложение такого рода впервые было высказано британским послом С. Криппсом на приеме у И. В. Сталина (10 июля)³, а затем ввиду очевидной неуступчивости шахского правительства жестко артикулировано У. Черчиллем в беседе с советским послом И. М. Майским (19 июля)⁴.

Проведение совместной военной акции потребовало не только выработки общего политического подхода двух стран и разъяснения его обоснованности другим заинтересованным государствам, но и поиска путей взаимодействия в военной сфере. Именно этим аспектам и посвящена данная статья. При ее написании автор опирался на отечественные и зарубежные документальные источники, в том числе из фондов Национального архива Великобритании.

Попытки политическими средствами убедить Тегеран существенным образом сократить немецкое присутствие в стране, предпринятые советской и британской дипломатией в июле 1941 г., не увенчались успехом. В связи с этим Лондон и Москва были вынуждены всерьез перейти к обсуждению использования для этого своих вооруженных сил. Причем события стали приобретать такую динамику, что в дипломатических кругах военная акция против Ирана не исключалась уже в течение первой недели августа⁵. Ее неожиданным образом притормозил не кто иной, как сам Черчилль. Дело в том, что, не возражая в принципе против использования войск, Кремль проявлял определенную сдержанность, которая, думается, и заставила британского премьера немного «сбавить обороты». Как вспоминал впоследствии Черчилль, он не был в полной мере «уверен в том, что этой персидской операции было обеспечено координированное планирование, необходимое для ее конечного успеха»⁶. Поэтому 31 июля премьер-министр распорядился создать для этой цели специальный комитет во главе с лордом-председателем совета Дж. Андерсеном.

Можно назвать и другие возможные причины сомнений главы британского кабинета относительно возникшей вдруг срочности военных действий против Ирана. Скорее всего, их было несколько, в том числе и прежде всего понимание им важности заручиться в этом непростом деле поддержкой Соединенных Штатов (предстояла важная встреча с президентом Ф. Рузвельтом) и обеспечить сохранение нейтралитета Турции. Были и другие моменты, на них указал сам премьер в инструкциях созданному комитету⁷. В конечном счете Черчилль приказал комитету рассмотреть все возможные альтернативы и последствия и в течение первой недели августа сообщить их военному кабинету.

Заседание специального комитета состоялось 4 августа. Оно началось с обсуждения возможности, согласованной еще за неделю до этого министром иностранных дел А. Иденом и советским послом И. М. Майским, общего советско-британского ультиматума, предполагавшего последующий ввод союзных войск в Иран⁸. Члены комитета не поддержали ультиматум как форму обращения к Тегерану. Они предпочли более гибкий подход, сойдясь во мнении, что иранским властям лучше предъявить строгий, но выдержанный в дружеских тонах меморандум, содержащий привлекательные для Тегерана финансовые предложения в обмен на высылку немцев. В случае же его неприятия комитет так же предлагал использовать силу. 6 августа результаты деятельности комитета были посланы премьер-министру⁹. Что же касается оценки развития ситуации вокруг Ирана, то она сводилась комитетом к предположению, что Тегеран не согласится на транзит военных грузов, не выдворит из страны германских агентов и что в конечном счете придется использовать вооруженные силы. Комитет обратил внимание и на то, что британская сторона пока еще не ознакомлена с деталями военных планов Москвы и ее намерениями, и высказался в пользу обмена миссиями связи с Красной армией¹⁰.

После заседания комитета 4 августа Иден попросил Майского приехать в Форин-офис. Он поинтересовался у посла, обладает ли тот какой-либо информацией относительно советского военного планирования в Иране. Планами дипломат не поделился, ответив лишь, что только что получил сведения из Москвы о том, что к середине августа советские войска будут в полной боеготовности и превысят численность британских войск, предполагаемых к использованию в Южном Иране, примерно в два раза. Посол поддержал идею обмена информацией для координации усилий двух армий и обмена соответствующими миссиями, но предостерег от нарушения в данный момент иранского воздушного пространства для их доставки на Кавказ и в Ирак. Как вариант Майский предложил рассмотреть возможность отправки миссий через территорию Турции.

Советский дипломат также вновь затронул тему транзита через Иран. В связи с этим Иден не стал скрывать своего беспокойства, поскольку полагал, что Берлин мог бы, в свою очередь, потребовать транзит через Турцию, и поэтому не нужно было давать ему соответствующего повода. Министр всецело поддержал намерение Советского Союза оказать поддержку Турции. Британец также с учетом мнения специального комитета скорректировал свою позицию по поводу ранее предлагавшегося им ультиматума Тегерану. Он предложил изменить формат дипломатического документа и пообещал через два дня показать собеседнику проект обновленной ноты. Иден аргументировал это необходимостью «действовать крайне осторожно», дабы не вызывать «воспоминаний об англо-российской политике 1907 года»¹¹.

Майский с этим согласился, заверив собеседника, что у Советского Союза нет посягательств на территорию Ирана. Посол не стал возражать против пересмотра ранее согласованных подходов. Он только отметил важность установления в новом варианте ноты срока, например 19 августа, для уменьшения численности немцев в Иране. Договорились вернуться к этому при рассмотрении уже подготовленного документа¹².

Между тем чем очевиднее становилась неизбежность вхождения союзных войск в Иран, тем большую нервозность проявляла Турция. Британский посол в Анкаре чуть ли не ежедневно докладывал в Форин-офис содержание своих бесед с турецкими официальными лицами, в которых доминировало неприятия доводов союзников о чрезмерном немецком присутствии в Иране¹³.

Анкару можно было понять: появление союзных войск в соседней стране фактически означало установление советско-британского контроля над всей сухопутной границей Турции, за исключением небольшого участка во Фракии, за которым располагались части вермахта. Турецкие власти неизбежно оказывались перед очень непростым выбором. Им нужны были гарантии соблюдения их нейтралитета, заверения со стороны Лондона и особенно Москвы об отсутствии агрессивных намерений. Анкару преследовала мысль, что под тем же предлогом, что и Иран, Турцию, учитывая ее отношения с Германией¹⁴, могла постичь схожая участь. Или же, напротив, Берлин предпринял бы свои превентивные меры.

Чтобы избежать нежелательных последствий чрезмерной обеспокоенности турецких властей вводом войск в Иран, Анкару следовало успокоить общими усилиями британского и советского правительств. В Форин-офис это в полной мере осознавали и подготовили возможный вариант дипломатический действий Лондона и Москвы. 5 августа Криппс вручил Молотову памятную записку, в которой были изложены британские предложения по вопросу о Турции. Речь

шла о том, чтобы два правительства одновременно подтвердили территориальную неприкосновенность Турции и уважение к действующему статусу Проливов¹⁵. Молотов, ознакомившись с запиской, ответил традиционной фразой: предложения английского правительства он доведет до сведения советского правительства и решение сообщит Криппсу¹⁶.

При этом было понятно, что позиция Турции не могла не волновать и Кремль. Неслучайно Молотов ранее в беседах с тем же Криппсом неоднократно подчеркивал дружеское отношение СССР к этой стране. Поэтому неудивительно, что реакция Москвы на британскую инициативу была по дипломатическим меркам более чем стремительной. Уже на следующий день нарком пригласил посла Великобритании и проинформировал его, что советское правительство считает своевременной постановку вопроса об отношениях с Турцией. Молотов добавил, что уже после их вчерашней беседы он получил телеграмму от Майского с информацией о беседе с Иденом. Ознакомив Криппса вкратце с содержанием телеграммы, Молотов обратил внимание собеседника, что в разговоре с советским послом Иден зашел дальше в предложениях, чем это сделал Криппс накануне, затронув вопрос о предоставлении Турции помощи и военной поддержки в случае нажима или нападения на нее со стороны Германии. Иден, однако, по словам Молотова, оговорился, что он не определяет осуществление своего предложения моментом, формой и содержанием, при которых должен был бы сделан демарш перед Турцией.

Приняв к сведению заявление наркома, Криппс уточнил, где будет лучше достигнуть соглашения о мероприятиях в отношении Турции в Лондоне или в Москве. По мнению самого посла, демарш лучше было бы согласовывать в Лондоне. Приняв предложение Криппса, Молотов со своей стороны поинтересовался у него, считает ли он правильным послать телеграмму Майскому с указанием предпринять шаги, чтобы договориться о моменте, форме и содержании демарша Англии и СССР. Криппс с этим с готовностью согласился, добавив, что неплохо было бы информировать Майского и о содержании последней памятной записки. Молотов пообещал. Что же касается предложений, изложенных в упомянутой записке, то советское правительство находит их вполне приемлемыми, способными служить в качестве базы при разрешении вопроса о демарше, позитивно завершил обсуждение этого вопроса Молотов¹⁷.

Такая реакция Москвы позволила сторонам не откладывать дело в долгий ящик. Вечером 7 августа Иден и Майский, обсудив проект, предложенный Форин-офис, согласовали совместный документ по Турции. При этом британский министр настаивал, чтобы он был вручен Анкаре не позднее 11 августа, объясняя это необхо-

димостью перед заключительным демаршем союзников иметь Тегерану небольшой временной запас¹⁸.

Советская сторона отнеслась к этому с полным пониманием. Как поделился Иден с американским послом в Лондоне Дж. Уайнантом, британцы не ожидали, что Москва так быстро согласится с их предложением по Турции и что Лондон был весьма этим удовлетворен¹⁹.

Уже спустя два дня, ушедших на решение чисто технических вещей и согласование в Москве, документ был доведен до сведения турецкого правительства. 10 августа посол СССР в Турции С. А. Виноградов посетил министра иностранных дел М. Ш. Сараджоглу и сделал ему официальное заявление. В нем советское правительство подтверждало свою верность Конвенции в Монтрё и заверяло турецкое правительство, что «оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов». В заявлении советское правительство, так же как и британское правительство, подтверждало свою готовность «скрупулезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой республики». Кроме того, союзные страны декларировали свое намерение «оказать Турции всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы»²⁰.

В тот же день аналогичное заявление сделал в Анкаре и британский посол Х. М. Нэтчбулл-Хьюджесен²¹. Тем самым Турция получала официальное подтверждение того, чего так настойчиво добивалась от Москвы и Лондона. Как сообщил британский посол в Анкаре, турецкое правительство было весьма удовлетворено советским заявлением и выразило пожелание, чтобы и советское, и британское заявления были опубликованы²². 13 августа полный текст документа был напечатан в главной советской газете «Правда»²³.

Однако это отнюдь не означало, что Анкара смягчила свою позицию относительно возможного ввода войск союзников в соседний Иран. Турецкая дипломатия до последнего момента будет пытаться предотвратить подобное развитие событий.

Вернемся, однако, к вечерней беседе британского министра и советского посла 7 августа. Турецкий сюжет не был единственным предметом их обсуждения. На встрече рассматривались и другие не менее важные вопросы. Согласовав совместные шаги по «успокоению» Анкары, собеседники перешли к Ирану. Иден познакомил посла с обновленным вариантом меморандума, подготовленного Форин-офис. Они сразу определили 15 августа в качестве предполагаемой даты окончательного демарша перед Тегераном. Майский внес ряд предложений в текст документа. Он считал необходимым зафиксировать в меморандуме требование, чтобы четыре пятых нем-

цев были высланы из Ирана к 31 августа. Он так же считал, что иранским властям нужно дать три дня для ответа союзникам. В связи с этим Майский попросил Идена порекомендовать своему послу в Тегеране занять в этом отношении такую же жесткую позицию, какую также будет отстаивать советский посол Смирнов, а именно: подчеркнуть официальным лицам в Тегеране, что если в указанный трехдневный срок не будет получен ответ, то правительство «Его Величества будет вынуждено прибегнуть к другим мерам»²⁴.

Иден взял паузу. Утром министр вновь пригласил Майского: согласившись с одним из дополнений, он выразил сомнение относительно включения принципиальной поправки, касающейся сроков и количества депортируемых из Ирана немцев. Майский, однако, проявил твердость и настойчивость. Поспорив, дипломаты согласились с советской формулировкой. Что же касается предоставления трех дней для ответа Тегерану, то в этом случае непреклонность проявил уже Иден, полагавший, что на нынешней стадии преждевременно включать в документ такую норму. Нужно, считал он, сначала получить мнение наших послов на реакцию иранских властей. Майский посчитал это разумным²⁵.

Тем не менее, при том подходе, который возобладал, как бы ни назывался вручаемый документ и какие бы уверения в дружбе ни содержал, он по сути своей являлся ультиматумом. По этой причине британский кабинет, одобрив в целом ноту Ирану, все же посчитал, что было бы слишком опрометчиво настаивать на том, что отказ Тегерана от их выполнения предъявленных требований повлечет за собой «насильственные действия»²⁶.

Такая компромиссная позиция Лондона, думается, была связана с отсутствием у Великобритании каких-либо правовых оснований для применения силы против заявившего о своем нейтралитете государства. Тем более, что на тот момент британских подданных в Иране было заметно больше, чем ставших «яблоком раздора» немцев. При этом Лондон не могло не беспокоить отношение к намеченной в Иране силовой акции со стороны своего основного союзника – США. Дело в том, что расчет британцев на безоговорочную поддержку Вашингтоном их позиции по Ирану поначалу оказался безосновательным. Государственный департамент не скрывал своих сомнений относительно правомерности англо-советской политики по отношению к Тегерану. И в интересах Лондона было разрешить их до применения вооруженных сил против Ирана.

Вот почему 8 августа Иден ознакомил американского посла в Лондоне Дж. Уайнанта с текстом финальной ноты Ирану и уточнил, что она не содержит требований иранской стороне временных рамок для ответа, так как Британии не хотелось придавать документу «характер ультиматума». Проинформировав Уайнанта о

том, что британский посол в Тегеране должен ее вручить 16 августа, Иден попытался заручиться поддержкой США. Он призвал американское правительство дать указание своему послу в Тегеране сделать аналогичное представление иранским властям. Логика министра была понятна: раз США не одобряли применения силы против нейтрального государства, пусть включатся в процесс дипломатического давления на Тегеран, заставив его пойти на депортацию немцев. Необходимость в военной акции, беспокоившей Вашингтон, тем самым отпадет. Именно поэтому Иден и заметил, что, как он надеется, «прямые действия» не понадобятся. Но Лондон должен учитывать возможность того, что немецкая армия на Кавказе выйдет к иранской границе. И при вероятности такого развития событий нельзя позволить немецкой агентуре остаться в Иране. Уайнант обещал доложить о встрече в государственном департаменте²⁷.

Лондону стало понятно, что при такой позиции госдепа времени на обсуждение доводов сторон уйдет немало. Дипломатическую рутину встряхнул Черчилль. Интуиция подсказывала ему, что этот щекотливый вопрос лучше урегулировать сразу на самом высшем уровне. Тем более, что для этого подвернулся шанс – предстояла встреча премьер-министра с президентом Ф. Рузвельтом. Мастер эпатажа, Черчилль не смог отказать себе в удовольствии отправиться на переговоры на новейшем линкоре «Принц Уэльский». Утром 9 августа лидеры встретились в бухте Пласенсия на острове Ньюфаундленд. Протокольные мероприятия, предварявшие переговоры, прошли в тот же день на американском крейсере «Огаста».

Следующим утром президент Ф. Рузвельт поднялся с ответным визитом на борт британского линкора, где в основном и велись переговоры. Они продолжались почти непрерывно, иногда с глазу на глаз, чаще в более широком кругу. Основные результаты этой встречи широко известны, прежде всего, по принятой на ней так называемой Атлантической хартии. Встречу Черчилль описал в своих мемуарах²⁸, но далеко не все. Понятно, что первое за годы войны личное общение с президентом США он использовал для обсуждения самого широкого круга вопросов, в том числе и весьма деликатных. В какой-то момент премьер затронул тему Ирана. Точные и прямые данные о разговоре на эту тему пока отсутствуют. Достоверно известно лишь, что сам разговор, безусловно, был. Но и смысл сказанного можно предположить. Черчилль не мог не сказать Рузвельту о той опасности, которую представляет немецкое присутствие в Иране, и не коснуться мер политического и военного характера, обсуждаемых в связи с этим Лондоном и Москвой. Не мог не отметить и важности установления союзнического контроля над транс-иранской железной дорогой для американских

поставок Советскому Союзу. Очевидно и то, что своей реакцией президент поддержал премьер-министра. По крайней мере, именно так можно трактовать содержание телеграммы Черчилля своему министру иностранных дел: «Я рассказал президенту о наших планах в Персии, кажется, что он вполне с ними согласен»²⁹.

Отмашка Вашингтона развязывала Лондону руки. Тем более, что ситуация требовала немедленных действий. Иранцы, всячески пытаясь уйти от навязываемой им союзниками депортации немцев, стали не просто тянуть время, они всемерно активизировали свои дипломатические усилия, прежде всего в Вашингтоне и Анкаре, и по-прежнему поддерживали контакты с Берлином. Вот почему Иден и Майский продолжили согласование действий своих стран по отношению к Тегерану.

12 августа Иден напомнил советскому послу об их предварительном разговоре недельной давности, касавшемся установления прямой связи между советскими и британскими военными силами, «если и когда мы будем вынуждены войти в Иран». Собеседники условились, что в нужный момент британская миссия связи вылетит на Кавказ, а советская присоединится к британским войскам уже в Иране. Майский пообещал чуть позже уточнить конкретное место на Кавказе³⁰.

Уже следующим утром дипломаты встретились вновь. На этот раз инициатором встречи стал Майский. Он считал необходимым незамедлительно сообщить британскому министру о готовности советского правительства вручить иранским властям окончательную ноту уже завтра, 14 августа³¹. Это оказалось довольно неожиданным, поскольку ничто не предвещало такой стремительности действий Москвы³². Вручив Идену текст ноты, Майский также обратил внимание на то, что советский посол в Тегеране получил указание обеспечить получение шахом копии ноты.

Иден сразу выразил беспокойство тем, что последняя фраза инструкции советскому послу в Тегеране предполагала установление трехдневного срока для ответа иранских властей. Стороны уже это обсуждали, и Лондон полагал, что такое требование придаст намечаемому демаршу «привкус» ультиматума, чего он хотел пока избежать. Майский ответил на это дипломатически витиевато, но по смыслу безапелляционно: если есть желание унифицировать действия дипломатов в Тегеране, можно принять советский подход. Иден, демонстрируя истинное британское хладнокровие, возразил, что на этот счет уже есть решение кабинета министров. И тут же решил снять назревавший скандал, сказав, что возникшие «разногласия не так уж и важны сами по себе»³³.

Думается, что Иден решил не продолжать бесполезный спор, определив для себя главное. Что бы ни заявил в Тегеране советский посол и

какой бы ни была реакция иранцев на это, Москва едва ли решится применить военную силу в одиночку³⁴. Майский это фактически сразу же подтвердил, заявив, что после представления союзниками нот советское правительство будет готово предпринять военные действия, но сделает это вместе с англичанами³⁵.

В развитие сказанного посол добавил, что советский военный атташе в Лондоне, в свою очередь, получил указание связаться с британскими коллегами относительно военных мер, которые могли быть предприняты в Иране. По мнению советской стороны, такие меры должны были быть применены, если ответ Тегерана на врученный 14 августа меморандум будет неудовлетворительным. В связи с этим Майский обозначил и возможные даты начала совместной кампании, если оба правительства примут такое решение, – 18, 19 или 20 августа. И, прощаясь, опять заверил британского министра, что советское правительство ни при каких обстоятельствах не применит вооруженную силу в одностороннем порядке³⁶.

Утром 14 августа Майский позвонил Идену и сообщил ему последние новости, полученные им из Москвы. Речь, однако, зашла не о действиях Москвы в Иране, о которых собеседники говорили накануне, а о поручении советского правительства своему послу в Анкаре заранее проинформировать турецкие власти о дате советского демарша в Иране, но только в тот же день, когда меморандум будет вручен в Тегеране. Это делается для того, пояснил Майский, чтобы избежать возможных осложнений в советско-турецких отношениях. И добавил, что все свои действия посол Виноградов будет координировать с британским послом в Анкаре.

На уточняющий вопрос министра, идет ли речь об обсуждавшейся ими недавно необходимости предоставить совместные гарантии Турции в связи с намечаемой союзной акцией в соседнем Иране, дипломат определенно ответить не смог. В итоге сошлись на том, что в сложившихся обстоятельствах стороны будут ждать результатов действий двух послов в Анкаре³⁷.

Спустя несколько часов, уже днем, Иден встретился с Майским. Разговор снова пошел о планах давления на Иран. Министр убедил посла отправить в Москву телеграмму с предложением своему руководству «не делать на этом этапе любых конкретных намеков по поводу обязательности иранского ответа в течение трех дней после получения меморандума»³⁸. При этом Майский оговорился, что не уверен, что это его сообщение успеет прибыть в Москву до момента назначенных в Тегеране дипломатических шагов и будет ли оно вообще принято во внимание. Но в любом случае, как он неоднократно говорил, советское правительство считает важным согласовывать свои действия с британским, и «не предпримет никаких военных шагов без его со-

гласия»³⁹. Тем самым Майский в очередной раз снял обеспокоенность британских партнеров относительно возможных односторонних действий Москвы. Иден был вполне удовлетворен беседой и в конце разговора не удержался от пафосности: «То, что мы смогли сделать (по поводу Ирана. – Ю. Г.), является наиболее успешным в наших нынешних отношениях»⁴⁰.

Между тем намеченный на 14 августа в Тегеране советский дипломатический демарш был перенесен на 16 августа. Узнав об этом, посол Буллард согласовал с Иденом вручение британского меморандума на это же число⁴¹.

Субботним утром 16 августа в Тегеране советский посол А. Смирнов вручил премьер-министру А. Мансуру ноту советского правительства, содержащую наряду с уверениями уважения нейтралитета, суверенитета и территориальной целостности Ирана и ряд весьма жестких требований. А именно немедленную депортацию четырех пятых находившихся в стране немцев до 31 августа. Мансур нервно прочитал документ, а затем отказался его принять, усмотрев в нем скрытый ультиматум. Премьер также попытался отказаться от персональной копии для шаха. Только когда Смирнов пригрозил Мансуру добиться личной аудиенции у монарха, Мансур был вынужден принять ноту для передачи Резашаху.

Вечером в резиденцию премьер-министра прибыл и посол Буллард. В какой-то степени его миссия облегчалась предыдущим визитом советского коллеги. Мансур и исполнявший обязанности министра иностранных дел Амери, предполагая причину его посещения, попробовали убедить посла не вручать меморандум британского правительства. Естественно, на это посол согласиться просто не мог. Тогда Мансур квалифицировал союзные ноты как ультиматум и обвинил британцев в том, что они преследуют иные цели, нежели устранение немцев⁴². Буллард, однако, был непреклонен.

Уже через день, в понедельник, еще не ответив официально на полученные ноты, иранские власти попытались как-то переломить ситуацию. Исполнявший обязанности министра иностранных дел Амери изложил послу Булларду устное контрпредложение, фактически не содержащее ничего нового. Речь шла о поэтапном выдворении примерно тридцати немцев ежемесячно. Буллард резонно возразил, что результаты этого будут заметны лишь через год, что для Лондона неприемлемо⁴³.

Посол Соединенных Штатов в Иране Л. Дрейфус 18 августа также имел длинный разговор с Амери и получил «определенное впечатление, – как он информировал государственный департамент, – что иранцы, маневрируют, тянут время, не осознавая всей серьезности их положения». Казалось, что они «ищут волшебную формулу, способную удовлетворить все сто-

роны, – заметил он и добавил: – Если они... не взглянут в лицо реальной ситуации, возможно, через несколько дней они поймут, что уже слишком поздно»⁴⁴.

Оценка американского дипломата была на редкость точной. Тегеран еще не ответил на полученные ноты союзников, когда все тем же днем 18 августа посол Майский и министр Иден встретились для обсуждения последующих действий своих стран. Обсудив позицию Турции в контексте происходивших событий, перешли к Ирану. Иден был убежден, что Лондон и Москва должны исходить из того, что реакция Тегерана будет предсказуемо негативной. Он поинтересовался у Майского, что, по его мнению, союзники должны делать дальше. Советский дипломат начал с того, что предложил выдвинуть Ирану 48-часовой ультиматум для «изменения своей позиции». В противном случае союзникам придется прибегнуть к «другим мерам». Посол не исключил и другого варианта действий: Великобритания и Советский Союз могли бы начать военную акцию без предупреждения, поскольку одновременно врученные их послами ноты объясняют причины их действий. Майский заявил, что лично он склоняется к ультиматуму, хотя и не получал никаких специальных указаний из Москвы.

Иден считал иначе. Поскольку он не верил, что шах капитулирует, британский министр настаивал на том, что «дальнейшее промедление» лишь даст Тегерану возможность обратиться к Турции и «остальному миру» за помощью. В итоге Иден и Майский договорились действовать без предупреждения. Советский посол предложил атаковать утром 22 августа, чтобы у обеих армий осталось немного времени на окончательную подготовку⁴⁵.

О совместно принятом решении союзников начать наступление был сразу же проинформирован Черчилль. Он находился на борту линкора «Принц Уэльский», возвращаясь со встречи с Рузвельтом, и был уже недалеко от берегов Шотландии. Премьер немедленно послал радиogramму Идену и был весьма категоричен: «Я думаю, у русских есть все основания⁴⁶, и мы должны присоединиться к ним, пока есть время»⁴⁷. Соответствующая депеша из советского посольства поступила и в Москву.

Тем временем британские и советские войска заканчивали подготовку к операции в Иране. Неожиданно произошла заминка. В последний момент было принято решение сопроводить интервенцию массивной кампанией по разбрасыванию листовок, призванных объяснить населению причины появления в их стране иностранных войск⁴⁸. На изготовление сотен тысяч листовок, естественно, требовалось время, что ставило под угрозу ранее согласованную дату начала операции. Советская сторона, тем не менее, одобрила такое ее пропагандистское сопровождение,

оговорив, что свои листовки она изготовит сама и будет распространять в зоне движения своих войск самостоятельно. Москва согласилась и с предложением британцев разбрасывать листовки именно в первый день наступления⁴⁹.

Наконец, 21 августа иранское правительство предоставило союзникам официальный ответ на их ноты от 16 августа. Написанный на фарси, ответ акцентировал внимание на уверениях союзников уважать нейтралитет Ирана и сохранить с ним дружеские отношения. Касаясь существа предъявленных требований, иранские власти заверяли Лондон и Москву, что «количество иностранцев в Иране за последнее время было намеренно снижено и вскоре их число подвергнется более заметному уменьшению». Подчеркивалось также, что Иран не сойдет с избранного «нейтрального курса» и «не примет никакого предложения, противоречащее иранской политике нейтралитета»⁵⁰. Стало понятно, что Тегеран решил рискнуть, надеясь на то, что что-то может помешать наступлению изготовившихся войск союзников. И, надо сказать, это было не упование на чудо, а не лишенный практического смысла расчет. Ситуация на фронтах была в пользу «держав оси». Открыто не скрывала своего неприятия намеченной акции Анкара⁵¹, не сформулировал публично свою позицию Вашингтон, с которой не все было однозначно⁵². Наконец, Берлин обещал скорую и реальную помощь⁵³.

Союзники должны были реагировать⁵⁴. Утром 21 августа первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский пригласил посла Криппса. Он проинформировал посла, что Москва согласна с намеченным совместным вступлением английских и советских войск в Иран на 23 августа. Соответствующие указания даны, изготовлены листовки, предприняты и другие необходимые меры. Вышинский сообщил также состав военной миссии СССР, направляемой в иракский Мосул для связи с британскими военными. Собеседники обговорили способ их прибытия. Криппс предложил переправить всех троих членов советской миссии самолетом, ночью перелетев через территорию Ирана в Мосул, с тем, чтобы на этом же самолете два члена английской военной миссии могли прибыть в СССР. Вышинский принял это предложение, уточнив, что английская миссия должна прибыть в Тбилиси (именно там располагался штаб Закавказского округа). В конце пятнадцатиминутного разговора дипломаты условились, что все технические вопросы, связанные с обменом военными миссиями, будут разрешены непосредственно военными⁵⁵.

Однако очень быстро, в течение дня, Москва неожиданном образом посчитала необходимым изменить названную Вышинским дату начала операции в Иране⁵⁶. Об этом уже ночью был проинформирован посол Майский. Едва дождавшись утра, взволнованный Майский по-

звонил Идену и попросил о срочной встрече. Прибыв в Форин-офис, посол поставил в известность министра о том, что советская сторона хочет перенести ввод войск в Иран на 25 августа. Не дожидаясь естественного вопроса о причинах, дипломат сказал, что доподлинно о них не знает, хотя полагает, что, скорее всего, они «технического характера». Главное, что беспокоило советского посла, это готовность Лондона согласиться на перенос даты начала своих действий на юге Ирана, чтобы сохранить согласованность начала проведения военной операции.

Вопрос был непростой, требовалось отменить уже отданные войскам приказы. Это вышло за рамки компетенции министра иностранных дел. Иден провел необходимые консультации с премьер-министром Черчиллем и начальником имперского генерального штаба Дж. Диллом. Лишь после этого он сообщил о согласии Лондона на перенос даты совместного выступления.

Так или иначе, 23 августа начался обратный отсчет времени. Именно в этот день вооруженные силы СССР и Великобритании получили приказы о начале операции в Иране. В 5 часов утра за подписью Верховного главнокомандующего И. В. Сталина и начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова командующему войсками Среднеазиатского военного округа была направлена директива о формировании и вводе в Иран 53-й отдельной армии. Спустя десять минут соответствующая директива Ставки была направлена командующему войсками Закавказского военного округа. В ней приказывалось развернуть Закавказский фронт за счет Закавказского военного округа. Директивы содержали детальное определение задач нового фронта и отдельной армии в ходе утвержденной иранской операции. Инициатива отдавалась закавказской группировке, войска которой с утра 25 августа должны были перейти иранскую границу. Обе директивы также сообщали о вхождении в этот день в Иран с юга британских войск⁵⁷.

Тогда же, 23 августа, в 5 часов дня генерал А. Уэйвелл, главнокомандующий войсками в Индии, и генерал Э. Куинэн, командующий войсками в Ираке, получили приказ из Лондона, объяснявший политические и военные цели Британии в иранской операции и характер предстоявшего взаимодействия с советскими войсками⁵⁸.

Между тем обмен информацией между военными инстанциями обеих стран о планируемых действиях в Иране был явно недостаточным. Особенно на фоне политического диалога советских и британских дипломатов, который носил постоянный и конструктивный характер. Иден и Майский, наделенный необходимыми полномочиями, встречались чуть ли не ежедневно, и стороны достигли в иранском вопросе высокого уровня взаимопонимания. Москва и Лондон согласовали дату ввода своих войск в эту страну, но даже после этого все еще не рас-

полагали достоверными данными о направлениях и характере действий своих вооруженных сил в этой совместной кампании, не разграничили зоны ответственности сторон⁵⁹.

До начала совместной кампании оставалось менее двух суток. Вечером 23 августа британский посол в Тегеране Буллард получил указание вручить премьер-министру Мансуру ноту, в которой сообщалось о вхождении 25 августа британских войск в Иран. При этом послу было рекомендовано обговорить точное время вручения с советским коллегой, «это должно быть утром, в максимально раннее, но приемлемое для вас обоих время»⁶⁰.

Британские дипломаты в Тегеране сразу же проинформировали об этом посла США Дрейфуса. Буллард сообщил также американцу о своем намерении вручить ноту иранским властям в 8.00 утра 25 августа. При этом британский военный атташе генерал У. Фрейзер уточнил, что военные операции союзников начнутся на рассвете. Дрейфус сразу же отправил срочную депешу в Вашингтон⁶¹.

Однако вечером накануне серьезного дипломатического демарша первоначальные планы Булларда пришлось изменить. Когда он узнал, что советский посол Смирнов собирался вручить ноту своего правительства значительно раньше, в 4.15, то посчитал необходимым сделать то же самое, чтобы ноты были вручены вместе двумя послами. Оставшуюся часть ночи Смирнов и Буллард провели, обсуждая свою предстоящую миссию и возможные последствия решительных действий союзников⁶².

Тем временем в Москве глубокой ночью 25 августа в иранском посольстве раздался телефонный звонок. Послу М. Саеду предложили срочно прибыть в Кремль. Спустя некоторое время, в 3.30 утра, высокопоставленный дипломат с недобрим предчувствием вошел в кабинет Молотова. Нарком иностранных дел сразу же заявил, что вызвал посла для того, чтобы вручить ноту советского правительства⁶³. Передавая ноту, Молотов сказал несколько слов. Смысл его заявления сводился к тому, что все попытки дипломатическими средствами убедить иранские власти выдворить из страны немецкую агентуру, создавшую угрозу интересам Советского Союза, ни к чему не привели, и это вынуждает советское правительство в полном соответствии с советско-иранским договором временно ввести войска в Иран.

Подавленный услышанным, Саед пытался убедить наркома приостановить ввод войск, обещая немедленное выполнение всех советских требований. В течение тридцатиминутной встречи он несколько раз повторял это. Молотов был непреклонен. Тогда отчаявшийся посол, оговорившись, что не имеет указаний своего правительства, заявил от себя лично протест. Полный драматизма разговор с послом закончился пожеланием Моло-

това иранской стороне принять все меры, чтобы ввод войск прошел мирным путем⁶⁴.

Практически в это же самое время в Тегеране происходили не менее значимые события. В преддверии рассветной мглы к особняку иранского премьер-министра одновременно подъехали два дипломатических лимузина. Советский посол А. Смирнов и британский Буллард вместе подошли к большим железным воротам. Они позвонили ровно в 4.15. Их немедленно проводили в гостевую комнату. Спустя некоторое время к ним вышел Мансур. Нежданные гости действовали быстро и синхронно. Они напомнили, что иранское правительство проигнорировало ноты их правительств от 19 июля и 16 августа с настоятельными пожеланиями существенно сократить немецкое присутствие в стране. К сожалению, теперь, заявили дипломаты, у их правительств не осталось выбора: они решили применить силу. Пришедший в себя после понятного замешательства иранский премьер попытался убедить послов, что все еще можно уладить, если войска будут остановлены. Однако Смирнов и Буллард не имели полномочий вести переговоры. Вручив ноты своих правительств, они попрощались и ушли⁶⁵.

В это время войска союзников пересекли иранские границы в Закавказье и на юге. Совместная кампания началась.

Примечания

- ¹ Черчилль У. Вторая мировая война : в 6 т. Т. 3 : Великий союз. М. : Терра-Книжный клуб, 1998. С. 249. У. Черчилль, А. Иден и некоторые другие продолжали называть Иран Персией.
- ² См.: Голуб Ю. Г. 1941 : Иранский поход Красной армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 4. С. 20–27 ; Голуб Ю. Г., Любин Д. М. Закавказский фронт Великой Отечественной войны : участие войск фронта в иранской операции в августе 1941 года // Страницы Великой Отечественной... (К 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук. 2005. № 3(15). С. 22–28. (Сер. «Военная история».) ; Оршиев А. Б. В августе 1941-го. М. : Вече, 2011.
- ³ См.: Документы внешней политики. Т. XXIV. 22 июня 1941 – 1 января 1942 (далее – ДВП). М. : Междунар. отношения, 2000. С. 120–123; 129–132.
- ⁴ См.: Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943 : в 2 кн. Кн. 2. Ч. 2 : 22 июня 1941–1943 год. М. : Наука, 2009. С. 14–18. (Сер. «Научное наследие»). Т. 33.)
- ⁵ Такую информацию от британских военных получил, например, посол США в Ираке (См.: Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1941. Vol. 3. Washington, 1959. P. 384).
- ⁶ Черчилль У. Указ. соч. Т. 3. С. 249.
- ⁷ См.: Stewart R. A. Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y. : Praeger, 1988. P. 69–70.
- ⁸ См.: The National Archives of Great Britain (Kew, England) (далее – TNA), FO 954/19A/127.
- ⁹ См.: Черчилль У. Указ. соч. Т. 3. С. 249. 4 августа Черчилль отбыл с базы Скапа-Флоу на линкоре «Принц Уэльский» на встречу с президентом США в районе острова Ньюфаундленд, так что рекомендации комитета он изучал в Атлантике.
- ¹⁰ См.: TNA, CAB 65/19/13.
- ¹¹ См.: TNA, FO 954/19A/128.
- ¹² Ibid.
- ¹³ См.: Stewart R. A. Op. cit. P. 73–74.
- ¹⁴ См.: Голуб Ю. Г. Иранский фактор англо-советского сближения после нацистского нападения на Советский Союз (июнь–июль 1941 г.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 33.
- ¹⁵ См.: ДВП. Т. XXIV. С. 584–585.
- ¹⁶ Там же. С. 218.
- ¹⁷ Там же. С. 221–222.
- ¹⁸ См.: Stewart R. A. Op. cit. P. 75.
- ¹⁹ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 392.
- ²⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы : в 2 т. М. : ОГИЗ, 1946. Т. 1. С. 145–146.
- ²¹ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 391.
- ²² Ibid. P. 392.
- ²³ Правда. 1941. 13 авг.
- ²⁴ Stewart R. A. Op. cit. P. 75.
- ²⁵ См.: TNA, FO 954/19A/129.
- ²⁶ Stewart R. A. Op. cit. P. 75.
- ²⁷ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 388–390.
- ²⁸ См.: Черчилль У. Указ. соч. Т. 3. С. 215–228.
- ²⁹ Stewart R. A. Op. cit. P. 77.
- ³⁰ TNA, FO 954/19A/130.
- ³¹ Иден сразу же после беседы с Майским поспешил уведомить об этом советском намерении американское посольство (См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 393).
- ³² Возможно, это связано с полученными Москвой данными о прибытии в Тегеран высокопоставленных сотрудников немецких спецслужб с целью активизации прогерманских сил в Иране и располагавшими для этого большими средствами в американской валюте (См.: TNA, FO 954/19A/131).
- ³³ Ibid.
- ³⁴ При этом Иден решил подстраховаться и чуть позже дал указание послу в Тегеране Булларду устно заверить иранские власти, что им не предъявляют ультиматум (См.: Stewart R. A. Op. cit. P. 78). Таким изящным образом британцы пытались предоставить шаху возможность спасти репутацию в случае согласия на условия союзников.
- ³⁵ См.: Черчилль У. Указ. соч. С. 221, 222.
- ³⁶ См.: TNA, FO 954/19A/131.
- ³⁷ См.: TNA, FO 954/19A/132.
- ³⁸ TNA, FO 954/19A/133
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ См.: Stewart R. A. Op. cit. P. 78.
- ⁴² Ibid. P. 85–86.

- ⁴³ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 399.
- ⁴⁴ Ibid. P. 400.
- ⁴⁵ См.: TNA, FO 954/19A/135 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 87.
- ⁴⁶ Речь шла о правовых основаниях в соответствии со ст. 6 советско-иранского договора 1921 г., которая гласила: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии» (Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях : сб. документов. М., 1946. С. 76).
- ⁴⁷ *Churchill W. S.* The Second World War. Grand Alliance. Boston : Houghton Mifflin, 1950. P. 480.
- ⁴⁸ См.: TNA, FO 954/19A/136.
- ⁴⁹ См.: TNA, FO 954/19A/137.
- ⁵⁰ *Prasad B.* Campaign in Western Asia. Pentagon Press, 2012. P. 308.
- ⁵¹ См.: *Кожанов Н. А.* Реакция стран региона (Афганистан, Британская Индия, Египет, Ирак, Турция) на ввод английских и советских войск в Иран. URL: <http://www.ru.journal-neo.com/node/1028> (дата обращения: 10.08.2015).
- ⁵² См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 94–96.
- ⁵³ 19 августа посол Германии в Тегеране Этель встретился с премьер-министром Мансуром. Посол уверял его, что шах мог рассчитывать на лояльность со стороны Германии, и указал на захват Николаева в тот день как на доказательство неизбежной победы Германии. Этель настаивал, что ни Советский Союз, ни Англия не смогут долго существовать. Поэтому иранское правительство должно и дальше быть непоколебимым под давлением союзников. Он заметил, что если вмешается Британия, Германии придется вторгнуться в Иран. Мансур заявил, что «каждая выигранная неделя, в течение которой германские силы победоносно продвигались, укрепляла позицию Ирана» и что «Иран никогда не присоединится к лагерю германских врагов» (Documents on German Foreign Policy, 1918–1945. Series D. Vol. XIII. The War Years. June 23 – December 11, 1941. Washington : United States Government Printing Office, 1954. P. 335–338). В свою очередь, Гитлер 22 августа распорядился, что «из соображений политического характера крайне необходимо как можно быстрее выйти в районы, откуда Россия получает нефть, не только для того, чтобы лишить ее этой нефти, а прежде всего, чтобы дать Ирану надежду на возможность получения в ближайшее время практической помощи от немцев в случае сопротивления угрозам со стороны русских и англичан (курсив наш. – Ю. Г.). В свете вышеупомянутой задачи... проблема Москвы по своему значению существенно отступает на задний план» (*Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы : в 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «третьей империи» (1941–1945 гг.). М. : Наука, 1973. С. 236. (Сер. «Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах»)).
- ⁵⁴ 21 августа 1941 г. в 03 ч 50 мин. Ставка ВГК за подписью И. Сталина и Б. Шапошникова направила командующим войсками Закавказского и Среднеазиатского военных округов директиву № 001145. В директиве приказывалось: «С целью предотвращения неожиданностей со стороны Ирана немедленно с получением настоящей директивы придвинуть войска округа непосредственно на границу с Ираном, но границы не переходить и не перелетать» (Русский архив : Великая Отечественная : Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год (далее – Русский архив : Великая Отечественная). Т. 16 (5–1). М. : Терра, 1996. С. 123). Аналогичные подготовительные меры были предприняты и британскими военными (См.: *Despatch on operations in Iraq, East Syria and Iran, from 10th April, 1941 to 12th January, 1942 // Supplement to The London Gazette, 14 August, 1946. P. 4098.*)
- ⁵⁵ См.: ДВП. Т. XXIV. С. 246.
- ⁵⁶ О причинах этого достоверно судить сложно. Возможно, это связано с недостатком времени для завершения всесторонней подготовки намеченной операции. Так, приписной состав частей и соединений Среднеазиатского военного округа стал призываться на «сборы» только после 20 августа, когда на их основе началось формирование 53-й отдельной армии для вступления в Иран. Соответствующие директивы Ставки Верховного Главного Командования (№ 1196 и № 1197) будут утверждены лишь 23 августа 1941 г. (См.: Русский архив : Великая Отечественная. Т. 16 (5–1). С. 126–129).
- ⁵⁷ Там же..
- ⁵⁸ См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 98–99.
- ⁵⁹ 21 августа британское военное ведомство поручило своей военной миссии в Москве выяснить, какие силы привлечет Советский Союз для действий в Иране и каковы будут цели и линии продвижения его войск. Одновременно британское Военное министерство направило своей миссии план действий британских войск на юге Ирана для передачи советскому командованию (См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 92).
- ⁶⁰ Ibid. P. 100.
- ⁶¹ См.: FRUS. 1941. Vol. 3. P. 414.
- ⁶² См.: *Bullard R.* The camels must go : An autobiography. L. : Faber, 1961. P. 227.
- ⁶³ См.: ДВП. Т. XXIV. С. 256–259.
- ⁶⁴ См.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 3. П. 16. Д. 201. Л. 1–4.
- ⁶⁵ См.: *Bullard R.* Op. cit. P. 227 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 107–108.